

— Разве не ты сам меня позвал?

Сюй Цзи мысленно фыркнул на этого гордого и капризного преподавателя, но вслух произнести не посмел. Помолчав немного, он заговорил:

— Уважаемый преподаватель, вы и сами сказали, что так повелось издревле, но всегда ведь бывают исключения.

— Но если ты в будущем поступишь на государственную службу, как ты собираешься держаться в этой ситуации?

Чжоу Юн пристально вглядывался в Сюй Цзи, не желая упускать ни тени сомнения на его лице.

— Учитель, студент лишь хочет принести реальную пользу этому двору, этому Да Юн. Студент учится ради Да Юн, учится ради простого народа Поднебесной, а вовсе не ради одной лишь чиновничьей должности.

Эти слова Сюй Цзи произнес веско, и в его голосе звучала непоколебимая решимость.

Он уже заранее всё разузнал: Чжоу Юн снискал столь высокую славу не только благодаря своему таланту, но и благодаря дерзновению открыто говорить то, о чем другие молчат. Он был единственным, кто осмеливался идти против влиятельных вельмож ради простого люда.

К тому же Чжоу Юн горячо поддерживал учение Мэн-цзы о том, что народ превыше правителя, а монарх — дело наживное. Он неизменно отстаивал мысль, что лишь подлинное благополучие и изобилие простого народа могут принести Поднебесной истинный мир и покой. Именно из-за этих взглядов его отвергло множество аристократов, и в конце концов император был вынужден отправить его преподавать в Императорскую академию, чтобы уберечь от бурь и переждать смутное время.

— Хорошо!

Услышав это, Чжоу Юн просиял. Он тут же развернул лист белоснежной бумаги и, посмотрев на Сюй Цзи, велел:

— Подойди сюда и напиши что-нибудь навскидку, дай старому маю взглянуть на твой почерк.

Сюй Цзи: «.....»

С чего это вдруг потребовалось проверять его каллиграфию? На душе у него стало слегка тревожно.

Поразмыслив немного, Сюй Цзи набрался храмоты и вывел на рисовой бумаге четыре крупных иероглифа: Народ превыше правителя.

Чжоу Юн тут же взъерошил усы и брови:

— Ах ты паршивец! Лицо такое пригожее, а пишешь как курица лапой! Забери эти прописи домой и тренируйся, пока не научишься писать как следует — носу ко мне не кажи!

— Учитель...

Сюй Цзи почувствовал некоторую растерянность.

— Все еще зовешь меня преподавателем?

Чжоу Юн бросил на Сюй Цзи косой взгляд.

— Учитель.

Сюй Цзи немедленно опустился на полуколени и со знанием дела поднес Чжоу Юну пиалу с чаем, как положено при принятии ученика в ученики. Однако насладиться этим мигом радости и услышать еще пару наставлений от Чжоу Юна ему не довелось — тот просто выставил его за дверь.

Стоя на пороге с охапкой прописей в руках и слушая, как Чжоу Юн с громким стуком захлопывает за ним дверь, Сюй Цзи ощутил еще большую растерянность. До чего же сильно тот ненавидел его почерк?

Хотя по сравнению с каллиграфией наставника его собственная писанина и вправду выглядела ужасно, не до такой же степени! Только что ему вообще казалось, что Чжоу Юн передумает принимать его в ученики.

— Тунтун, покорить суженого — задача не из легких, — со вздохом произнес Сюй Цзи.

— Раз нелегко, так и не пытайся. Сидел бы себе дома да ждал развития сюжета, благодать же, — отозвалась Система.

— Но вместо того чтобы бессмысленно погибнуть пушечным мясом, я выбираю путь рука об руку с моим суженым.

Услышав слова Системы, Сюй Цзи стряхнул с лица все следы усталости и растерянности, а его глаза загорелись боевым задором.

Система: «.....»

После ухода Сюй Цзи Чжоу Юн отворил дверь, проводил взглядом удаляющуюся фигуру юноши и тут же написал три письма, в которых похвастался, что нашел ученика-единомышленника. Тот не только произнес слова: «В гибели или процветании Поднебесной каждый человек несет свой долг», но и всецело разделял его собственные идеалы.

«Обрести хорошего ученика за всю жизнь трудно, а найти ученика-единомышленника — и подавно. Ныне времена беспокойные, и если он сумеет перенять мое учение и продолжить мое дело, то на сей раз уйду из жизни без малейшего сожаления».

Выведя кистью последнюю фразу, Чжоу Юн поднял голову и взглянул на небо. Небо было затянуто серой дымкой, судя по всему, впереди ждали несколько дождливых дней...

Только что закончились дни отдыха, и по всем правилам должен был начаться учебный день в Императорской академии, но Сюй Цзи получил от Чжоу Юна письмо, в котором говорилось, что занятий сегодня не будет.

Глядя на этот листок бумаги, Сюй Цзи чувствовал, от него веет слабым запахом крови и предчувствием беды.

— Старый Гао, запри сегодня ворота и строго-настрого накажи всем домашним: из поместья ни ногой, ворота никому не открывать!

Спрятав письмо, Сюй Цзи немедленно призвал Старого Гао.

— Слушаюсь, — поспешно ответил тот.

Распорядившись, чтобы слуги исполнили приказ как положено, Старый Гао отправился в кабинет к Сюй Цзи и лишь тогда осмелился задать терзавший его вопрос:

— Старший молодой господин, к чему вдруг запирать ворота на замок? Мы собираемся проверять какие-то темные дела за закрытыми дверями?

—.....—

Сюй Цзи посмотрел на широкоплечего, грубоватого Старого Гао, отложил прописи в сторону, аккуратно складывая их стопкой, и произнес:

— Если тебе так любопытно, пойдем со мной к воротам, послушаешь сам.

Старый Гао удивился еще больше, но когда они добрались до входа, его слух уловил до боли знакомый стук шагов. Обычные прохожие ступают легко, но шаги облаченных в доспехи воинов тяжелы и чеканны, и когда такое войско проходит мимо ворот поместья, отчетливо слышен лишь этот монотонный грохот.

— Старый Гао, помнится, ты говорил, что столичная Семья Се живет неподалеку от нас.

Молча прислушиваясь к затихающим вдали шагам, Сюй Цзи повернул голову и посмотрел на Старого Гао.

— Они идут к Се!

Старый Гао шумно втянул воздух, а мгновение спустя его брови сошлись на переносице, словно до него дошел какой-то скрытый смысл.

Заметив, что Старый Гао понял его намек, Сюй Цзи остался доволен. Ему не нужен был простой вояка с одними кулаками на уме — ему требовался надежный помощник, на которого можно положиться во всем.

Хотя Старый Гао с виду казался простоватым и грубым, под этой личиной скрывался острый ум. То, что он смог так быстро догадаться о причинах происходящего, доказывало: из него выйдет толк.

В полдень обычно стоит самый зной и солнце светит ярче всего, но теперь небесное светило скрылось за тучами, и с неба закапал мелкий дождь. Капли были тонкими, но частыми, и земля в мгновение ока покрылась влажным блеском.

Ворота были наглухо заперты. Сюй Цзи со всей душой предавался каллиграфии в тиши кабинета и строго наказал слугам: если только запасы продовольствия в поместье не иссякнут полностью, нос из дома не высовывать.

Проведя так в заточении несколько дней и заметив, что его иероглифы стали вполне сносными, Сюй Цзи наконец позволил слугам отворить ворота.

На улице царило какое-то странное затишье. На дорогах было гораздо меньше людей, чем обычно, и все разговоры прохожих крутились вокруг того, что влиятельные семьи объединили силы с Третьим принцем и подняли мятеж.

Нынешний император находился в самом расцвете сил, однако уже не раз выказывал намерение обуздать и прижать аристократические кланы. Так что бунт знатных семейств в ответ выглядел вполне закономерным.

— Тунтун, а нынешний император — и впрямь человек безжалостный, — со вздохом произнес

Сюй Цзи.

Сразу после падения звезд он с молниеносной решимостью расправился с главами знатных родов и при этом раздобыл неопровержимые доказательства их вины. Поверить в то, что всё это произошло случайно и без предварительной подготовки, было просто невозможно.

Да и главы влиятельных семей никак не ожидали, что Лун Шэн станет действовать столь стремительно. Они опомниться не успели, как стража уже увлакивала их под арестом, навесив ярлыки государственных изменников.

Дождь лил как из ведра, дочиста смывая грязь со стоявших у ворот каменных львов. Все следы на улицах были безвозмездно стерты, и казалось, что вокруг всё осталось прежним.

Находясь в Резиденции генерала, Сюй Цзи не имел выхода к императорскому двору и все эти дни мог лишь пережидать бурю за высокими стенами.

— Похоже, придется обзавестись собственной сетью разведки, — подумал Сюй Цзи.

Ему было жизненно необходимо знать, что творится при дворе. Ведь о человеке, который был ему дорог, за последние дни не поступало ни единой вести, а в такой атмосфере никто не осмеливался соваться куда-либо с расспросами.

<http://bllate.org/book/19052/1870362>